

К.Н.
БАТЮШКОВ

ИЗБРАННАЯ
ЛИРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

К. Н. БАТЮШКОВ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

К.Н.
БАТЮШКОВ

ИЗБРАННАЯ
ЛИРИКА

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

Текст печатается по изданию:
К. Н. Батюшков. Полное собрание
стихотворений. Большая серия
«Библиотеки поэта».
Издательство «Советский писатель»,
М.—Л., 1964.

Составление, предисловие и примечания
К. В. ПИГАРЕВА

Оформление
М. ЛОХМАНОВОЙ

Батюшков К. Н.

Б28 Избранная лирика/Сост., предисл. и примеч.
К. В. Пигарева. — М.: Дет. лит., 1979.—112 с. —
(Школьная б-ка).

30 к.

По словам Белинского, «Батюшков много... способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги... достаточно, чтобы имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением».

Лирика Батюшкова, отличающаяся поэтической силой и красотой, вошла в золотой фонд русского классического искусства слова.

0763—018
Б $\frac{101(03)79}{123-79}$

Р1

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1973 г.

К. Н. БАТЮШКОВ

Наряду с Державиным и Жуковским, Константин Николаевич Батюшков занимает в русской поэзии почетное место одного из непосредственных предшественников Пушкина. Недаром, восхищаясь яркой изобразительностью стихотворения Батюшкова «Вакханка», Белинский писал: «Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...»

Трагически сложилась судьба Батюшкова. «Что говорить о стихах моих! — сказал он однажды. — Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!»

Тяжелая психическая болезнь пресекла литературную деятельность Батюшкова задолго до того, как был завершен его жизненный путь. Из шестидесяти восьми лет, прожитых Батюшковым, литературе были отданы неполных двадцать. Он пережил Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Крылова, Белинского, Гоголя и Жуковского, но живым литературным явлением его поэзия была только для двух первых десятилетий XIX века. С начала двадцатых годов умолк его поэтический голос.

Батюшков родился 18 (29) мая 1787 года в Вологде. Он воспитывался в частных пансионах Петербурга, откуда вы-

нес хорошее знание иностранных языков, в особенности французского, вообще широко распространенного в русской дворянской среде, а также итальянского, которым тогда владели сравнительно немногие русские. По выходе из пансиона в 1803 году Батюшков поступил на службу в министерство народного просвещения. В 1807 году он ополченцем принимает участие в войне с наполеоновской Францией и получает тяжелое ранение. Однако в 1808—1809 годах он снова в походе, на этот раз в рядах русских войск, действовавших против Швеции.

«Штатская служба» (из министерства народного просвещения Батюшков перешел в Публичную библиотеку — помощником хранителя рукописей) никогда не удовлетворяла поэта и к тому же не давала ему материального обеспечения. Отечественная война 1812 года вызвала в нем прилив патриотических чувств. В письме к одному из своих друзей Батюшков сообщал: «Я решился, и твердо решился, отправиться в армию, куда и долг призывает, и рас-судок, и сердце, лишенное покоя ужасными происшествиями нашего времени».

В 1813—1814 годах Батюшков участвует в заграничных походах русской армии, приведших к низложению господства Наполеона в Западной Европе.

Тяжелые душевные переживания, вызванные любовью без взаимности, и невозможность по возвращении в Петербург найти применение своим способностям на общественном поприще побуждают Батюшкова поступить на дипломатическую службу. Назначенный секретарем русской миссии в Неаполе, он уезжает за границу. Постигшие его здесь служебные неприятности пагубно отразились на всем нравственном складе Батюшкова. В Россию он вернулся неизлечимо больным. Умер Батюшков в Вологде 7 (19) июля 1855 года.

Творческий путь Батюшкова отчетливо делится на два периода; рубежом между ними является 1812 год.

Самое раннее из дошедших до нас стихотворений Батюшкова, озаглавленное «Мечта», относится к 1802 или 1803 году. Впоследствии он неоднократно его перерабатывал. В этом стихотворении *мечта* признается основным источником поэтического вдохновения: «Мечтанье есть душа поэтов и стихов». Мысль о том, что в мечте — главное счастье человека, пронизывает все творчество Батюшкова первого периода.

Большое влияние на умственное развитие юного поэта оказал его родственник — писатель-сентименталист М. Н. Муравьев, во многом определивший круг литературных интересов Батюшкова. Немалую роль в его творческой биографии сыграло участие в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств.

В журналах Вольного общества напечатано несколько стихотворений Батюшкова. Одно из них («Где друг наш? Где певец? Где юности красы?») написано на смерть президента общества, радикального публициста и поэта И. П. Пнина. Батюшков оплакивает в нем не только верного друга и отзывчивого к чужим невзгодам человека, но и смелого гражданина:

Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал.

Утверждение гражданского долга, призыв к борьбе с общественным злом и несправедливостью были свойственны наиболее демократически настроенным членам Вольного общества. Эти мотивы не нашли отражения в творчестве Батюшкова, либерализм которого носил умеренно-расплывчатый характер. Но сотрудничество в Вольном обществе не прошло для него бесследно и способствовало развитию в нем интереса к теоретическим вопросам искусства. Впоследствии Батюшков показал себя тонким знатоком архитектуры, скульптуры и живописи и был первым русским художественным критиком.

Еще большее значение имело для Батюшкова общение

с литературно-артистическим кружком известного покровителя искусств А. Н. Оленина. Здесь господствовал культ античности, который горячо разделялся Батюшковым. Его ближайший друг Н. И. Гнедич уже работал тогда над переводом «Илиады» Гомера.

В первые десять лет своей поэтической деятельности Батюшков воспекает житейские радости, счастье дружбы и счастье разделенной любви. Воспринимая жизнь как миг, все уносящий с собою («Умру, и все умрет со мной!»), поэт приглашает «искать веселья и забавы и мудрость с шутками мешать». В его настойчивом призыве упиться земными восторгами по-своему сказался вольнолюбивый идеал независимости человека, достигаемой хотя бы в личной жизни. Развивая традиции так называемой «легкой поэзии» XVIII века, Батюшков доводит до большого совершенства жанр дружеского послания, обязанного главным образом ему своей популярностью в русской лирике первой четверти XIX столетия.

В дружеском послании Батюшкова «Мои пенаты» изображается скромная «обитель» поэта с ее «убогой» обстановкой. Путь сюда заказан для царедворцев и вельмож с их «наемною душой», зато дверь его «хижины» всегда готова распахнуться перед воином-инвалидом, ветераном суворовских походов, случайно проходящим мимо, и перед друзьями-поэтами, «врагами придворных уз», «философами-ленивцами». Что означала *лень* в словопотреблении Батюшкова, показывает его негодующий ответ на приятельский укор Гнедича: «И впрямь, что значит лень моя? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает и рассуждает!»

Пушкин, под явным влиянием «Моих пенатов» написавший свое лицейское послание «Городок», впоследствии отмечал, что стихотворение Батюшкова «дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна». Вме-

сте с тем он осуждал Батюшкова за чрезмерное увлечение условно-поэтическими образами, заимствованными из античной мифологии. «Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни».

В этом высказывании великий поэт с обычной для него пронизательностью указал на силу и слабость поэтического стиля Батюшкова. Не говоря уже о том, что мифологические имена, которыми в своем пристрастии к античности поэт уснащает свои стихи, нередко вступают в противоречие с реальной действительностью, самое изобилие их таково, что требует от читателя соответствующей «классической» подготовки или постоянного обращения к комментарию. Но, несмотря на это, стихотворения Батюшкова явились крупнейшим достижением того «нового слога», за преимущества которого шла ожесточенная борьба в русской литературе. Сам Батюшков выступил в этой борьбе на стороне Н. М. Карамзина и его реформы русского литературного языка.

Ярчайшим памятником литературной полемики этого времени остается сатира Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809). Напечатанное впервые через тридцать с лишком лет после того, как было написано, «Видение», благодаря злободневности своего содержания, было широко распространено среди современников в многочисленных списках. Сатира обнаруживает своеобразную независимость литературной позиции Батюшкова: осмеивая консервативных сторонников «старого слога», он в то же время поднимает на смех и эпигонов-карамзинистов.

Отечественная война 1812 года глубоко потрясла Батюшкова и подвергла жесточайшему испытанию все жизнеощущение поэта. «Ужасные происшествия нашего времени, — писал он Гнедичу, — происшествия, случившиеся как нарочно перед моими глазами, зло, разлившееся по ли-

ду земли во всех видах, на всех людей, так меня поразило, что я насилу могу собраться с мыслями... Я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении... Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя... Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию».

В привычную для него форму дружеского послания Батюшков вкладывает теперь совершенно непривычное для этого поэтического жанра содержание. Послание «К Дашкову» открывается картиной народных бедствий, которые принесла с собой война. Вспоминая о виденных им самим толпах беженцев, спасавшихся от вражеского нашествия, о превращенной в развалины Москве, где ему довелось трижды побывать после оставления ее французами, Батюшков отказывается по-прежнему воспевать

...любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость.

Отказывается до тех пор, пока на поле боя не отомстит врагам за поруганную отчизну.

Новые темы и мотивы появляются в лирике Батюшкова военных и послевоенных лет.

Картины заграничных походов запечатлены в таких стихотворениях, как «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и «Переход через Рейн. 1814». Впечатлениями походной жизни навеяно послание «К Никите». Гусар и донской казак выступают лирическими героями стихотворений «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь...») и «Пленный».

Во всех этих стихотворениях условные элементы сентиментально-романтического стиля в той или иной степени сочетаются с конкретными чертами реальной действительности.

тельности. Условны в стихотворении «Переход русских войск через Неман» щиты, брони и копыя, условны «полки славян», но до жути реальны чернеющие на снегу трупы убитых. Образ донского казака в «Пленном» сентиментален и лишен подлинной народности. Пушкин находил, что он «поет как трубадур» и что его песня напоминает «куплеты французского романса». Тем не менее сквозь несколько искусственную книжную форму пробивается неподдельное чувство тоски по родине, которое со всей остротой было испытано на чужбине самим поэтом.

Еще в одной из ранних своих элегий, рассказывая о ранении под Гейльсбергом в 1807 году, Батюшков говорил, что он «боялся умереть не в родине своей» («Воспоминание»). Тема родины проходит через многие позднейшие стихотворения поэта. Пребывание в составе русских войск за границей дало Батюшкову богатый запас наблюдений и впечатлений, он получил возможность познакомиться с природой и бытом разных стран, но нигде не покидала его мысль о своем отечестве. В стихотворении «Тень друга», описывая морское плавание из Англии в Швецию, поэт признается:

Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли...

Но тема родины никогда не наполнялась у Батюškova общественно-политическим содержанием, выражая лишь субъективно-психологическое переживание самого поэта. В этом он сходит с Жуковским.

Внутреннее неприятие русской социальной действительности преломляется в лирике Батюškova в образах, казалось бы, далеких от реальной жизни. Для того чтобы передать, насколько отечественная действительность рас-

ходила с мечтой, которую он лелеял в разлуке с родной, Батюшков как бы отождествляет себя с легендарным древнегреческим скитальцем Одиссеем, достигшим, наконец, заветной цели своих странствий, но... не узнавшим родную страну («Судьба Одиссея»). И это «неузнавание» отчизны было для Батюшкова тем более горьким, чем нетерпеливее было его желание свидеться с нею.

Тема скитаний «из края в край» в разных вариациях возникает в творчестве Батюшкова послевоенного периода, свидетельствуя о нарастании романтических настроений поэта. Разочарованный скиталец — вообще один из излюбленных образов романтиков. Причины его странствий могут быть различны: и стремление заглушить неразделенную любовь («Разлука», «Напрасно покидал страну моих отцов...»), и тщеславные поиски славы («Странствователь и домосед»). Но, по убеждению Батюшкова, «небо чуждое не лечит сердца ран», а для искателя счастья на чужбине может оказаться источником «новых бед». В стихотворной сказке о двух братьях-афинянах сочувствие автора явно на стороне «домоседа» Клита.

Однако идеал Клита — «тихохонько с женою век прожить под сенью отчего пената» — остался недостижимым для Батюшкова. Покинув военную службу, он на первых порах принимает деятельное участие в петербургской литературной жизни, издает в 1817 году свои «Опыты в стихах и прозе», но скоро убеждается в том, что писателю трудно определить свое место в обществе, где самое слово *писатель* звучит еще «дико для слуха».

И опять-таки не случайно возникает в творчестве Батюшкова новая тема — тема судьбы поэта.

«До самой старости преследуемый роком», нищий и слепой создатель героического эпоса Древней Греции Омир (Гомер) вынужден скитаться, нигде не находя пристанища. А младший по возрасту Гезиод (Гесиод), творец дидактического (нравственно-поучительного) эпоса,

хотя и получает первенство на состязании певцов, обречен погибнуть от руки злодея («Гезиод и Омир — соперники»).

Элегия «Умиравший Тасс» посвящена трагической участи знаменитого итальянского поэта, чья жизнь была полна тяжелых испытаний и злоключений. И умер он тогда, когда несправедливая судьба намеревалась искупить свою вину перед ним: в Риме готовилось пышное торжество, на котором он должен был получить лавровый венок.

Эту элегию Батюшков считал своим лучшим произведением. В ней, как и в написанном несколько ранее стихотворении «К другу», сказались характерные для его умонастроения этого времени мысль о тщете всего земного («Так все здесь суетно в обители сует!») и надежда на «мир лучший» — за гробом. Эти мистико-романтические мотивы роднят Батюшкова с Жуковским. Но, в отличие от Жуковского, Батюшкову было ведомо и чувство безысходного пессимизма, доходившего до полного отрицания всякого смысла жизни («Ты знаешь, что изрек...»).

К прежним темам своей довоенной лирики Батюшков так и не вернулся. Единственным произведением, которое по своему ликующему тону и жизнелюбивому пафосу отвечает традициям «легкой поэзии», является «Вакханка». Но и оно не столько воспроизводит французский подлинник, служивший Батюшкову образцом, сколько обнаруживает стремление поэта к творческому проникновению в атмосферу древнего мира. Поэтическое искусство античности прежде всего привлекало к себе Батюшкова цельностью выраженного в нем мировоззрения. В «Вакханке» он достиг изумительной пластичности образов. Дальнейшими завоеваниями Батюшкова в передаче гармоничности и ясности поэтического мира античности были его переводы из греческой антологии и «Подражания древним» (1821).

По сравнению с первым периодом литературной деятельности Батюшкова произведения второго периода отли-

чаются значительно большей зрелостью и разнообразием художественных форм.

Батюшков сознательно стремится к тому, чтобы «область элегии расширить», то есть сделать этот распространенный в романтической поэзии стихотворный жанр более гибким и емким. Историческая эпоха, в которую творил Батюшков, предрасполагала к созданию особого рода элегии — *исторической*. Однако историческая элегия у Батюшкова допускает подразделение на элегию собственно историческую («Умиравший Тасс»), военно-историческую («Переход через Рейн»), легендарно-историческую («На развалинах замка в Швеции»).

«Расширял» Батюшков и другие жанровые формы. Это и дало ему право поместить в своих «Опытах в стихах и прозе» стихотворение «К Дашкову» не среди посланий, а среди элегий.

Очень велики заслуги Батюшкова в усовершенствовании русского поэтического языка и в разработке ритмического строя стиха.

Батюшков считал, что поэт должен пользоваться «обыкновенными словами». Это убеждение помогло ему внести свой вклад в создание русского литературного языка, способствуя его сближению с разговорной речью. Из всех современных ему русских поэтов Батюшков особенно ценил Крылова, утверждая, что «его басни переживут века». У Крылова учился Батюшков умению вести живой рассказ в непринужденной форме разностопного стиха («Страптователь и домосед»).

Но главным достоинством поэзии Батюшкова является ее изысканная, но не нарочитая мелодичность и музыкальность. Именно это достоинство побудило Пушкина отметить в принадлежавшем ему экземпляре «Опытов» Батюшкова одну строку в стихотворении «К другу» и приписать на полях: «Звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков!»

К. ПИГАРЕВ

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив — одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забуть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

1804—1805

СОВЕТ ДРУЗЬЯМ

*Faut-il être tant volage,
Ai-je dit au doux plaisir...*¹

Подайте мне свирель простую,
Друзья! и сядьте вокруг меня
Под эту вяза тень густую,
Где свежесть дышит среди дня;
Приблизьтесь, сядьте и внимлите
Совету музы вы моей:
Когда счастливо жить хотите
Среди весенних кратких дней,
Друзья! оставьте призрак славы,
Любите в юности забавы
И сейте розы на пути.
О юность красная! цвети!
И, током чистым окропленна,
Цвети хотя немного дней,
Как роза, миртом осененна,
Среди смеющихся полей;
Но дай нам жизнью насладиться,
Цветы на тернах находить!
Жизнь — миг! не долго веселиться,
Не долго нам и в счастье жить!
Не долго — но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта — прямая счастья мать!
Ах! должно ли всегда вздыхать
И в майский день не улыбаться?

¹ Нужно ли быть столь мимолетным? — сказал я сладостному наслаждению... (франц.)

Нет, станем лучше наслаждаться,
Плясать под тению густой
С прекрасной нимфой ¹ молодой,
Потом, обняв ее рукою,
Дыша любовью одною,
Тихонько будем воздыхать
И сердце к сердцу прижимать.

Какое счастье! Вакх веселый
Густое здесь вино нам льет,
А тут в одежде тонкой, белой
Эрата нежная поет:
Часы крылаты! не летите,
Ах! счастье мигом хоть продлите!

Но нет! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они;
Ни лень, ни сердца наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукою
Губит и радость, и покой!

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашею прохлад
Ужель вкушать не буду боле?
Ужели скоро в тихом поле
Под серым камнем стану спать?
И лира, и свирель простая
На гробе будут там лежать!
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Прах хладный мой не окропится!
Ах! должно ль мне о том крушиться?
Умру, друзья! — и всё со мной!

¹ Объяснение мифологических и литературных имен, исторических и географических названий, устаревших и малоупотребительных слов см. в словаре на стр. 98—105, а комментарии к стихам — на стр. 106—110.

Но парки темною рукою
Прядут, прядут дней тонку нить...
Коринна и друзья со мною,—
О чем же мне теперь грустить?

Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здесь не вечна,
То лучше в жизни петь, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость с шутками мешать,
Чем, бегая за дымом славы,
От скуки и забот зевать.

<1806>

Только дружба обещает
 Мне бессмертия венок;
 Он приметно увядает,
 Как от зноя василек.
 Мне оставить ли для славы
 Скромную стезю забавы?
 Путь к забавам проложен;
 К славе тесен и мудрен!
 Мне ль за призраком гоняться,
 Лавры с скукой собирать?
 Я умею наслаждаться,
 Как ребенок всем играть,
 И счастлив!.. Досель цветами
 Путь ко счастью устилал,
 Пел, мечтал, подчас стихами
 Горесть сердца улаждал.
 Пел от лени и досуга;
 Муза мне была подруга;
 Не был ей порабощен.
 А теперь — весна, как сон
 Легкокрылый, исчезает
 И с собою увлекает
 Прелесть песней и мечты!
 Нежны мирты и цветы,
 Чем прелестницы венчали
 Юного певца, — завяли!
 Ах! ужели наградит
 Слава счастья утрату
 И ко дней моих закату
 Как нарочно прилетит?

1806

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочтанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

1807

ВОСПОМИНАНИЕ

Мечты! — повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устилали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала;
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зёркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огонь в часы туманной ночи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла как мечта!..
Осталось мрачно воспоминанье...
Между протекшего есть вечная черта:
Нас сблизит с ним одно мечтанье.
Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,

Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным:
Я, Неман переплыв, узрел желанный край,
И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай
И, шага не ступя за хижину убогу,
К себе богиню быстроногу
В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью:
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».

1807—1809

ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где всё тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,

С Делией своей Гораций
Гимны радости поет, —
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

<1810>

РАДОСТЬ

Любимца Кипридина
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
Толпами собирайтесь,
Руками сплетайтесь
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мне лиру тиискую *¹
Камены и грации
Вручили с улыбкою:
И песни веселию,
Приятнее нектара
И слаще амвросии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,
Польются со струн ее!
Сегодня — день радости:
Филлида суровая
Сквозь слезы стыдливости
«Люблю!» мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченной
Бесценными каплями,
Румяней становится,—

¹ Пояснения к словам, отмеченным звездочкой, см. в комментариях на стр. 106—110.

Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснея, промолвила:
«Люблю!» тихим шепотом.
Всё мне улыбнулося;
Тоска и мучения,
И страхи и горести
Исчезли — как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Цитерскими птицами
К Цитере иль Пафосу,
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Всё мне улыбнулося! —
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И холмы парнасские!
Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!

Около 1810 (?)

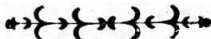

ДРУЖЕСТВО

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
Кто любит и любим чувствительной душой!
Тезей на берегах Коцита не страдает,—
С ним друг его души, с ним верный Пирифой.
Атридов сын в цепях, но зависти достоин!
С ним друг его, Пилад... под лезвием мечей.
А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
Бессмертный образец героев и друзей!
Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
И, друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
Счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!

1811—1812

МОИ ПЕНАТЫ

*Послание к Жуковскому
и Вяземскому*

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,
Но слезы умиления,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь пермесских дар!
О лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном.

В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полужаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщется вовек дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой
Развратные счастливыцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой *,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками
Как вихорь на полях,
И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,

В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечный!..»
Блажен в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты под окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают

Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И всё любовью дышит
Среди полей моих;
Всё с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейный
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны золотые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестный,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забыт я от пелен,
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой
И часто в мирной сени
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье

Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретае хоры муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пушкай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин *,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей *.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин *,
То мудрого Платона

Описывает нам
И ужин Агатона,
И наслажденья храм,
То Древню Русь и нравы
Владимира времен,
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сильф прекрасный,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит *;
Мелецкого * с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев * сидит;
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнаскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер * и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид
И в радости взываю:
О музы! я пиит!

А вы, смиренной хаты
О лары и пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу и покой!

Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелою мчится время,
Веселие — стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горечь усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей твоих венчай.
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы,
Сует и шум и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.

О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут,—
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья,
И ко́локола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листьями повилик;
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливец молодых!

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами,
Любви не изменить!»

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой,
Уздечка бранная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался, —
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья! изменой дышит.
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелою на воде.

1812—1813

Мой друг! я видел море зла
 И неба мстительного кары:
 Врагов неистовых дела,
 Войну и гибельны пожары.
 Я видел сонмы богачей,
 Бегущих в рубищах издранных,
 Я видел бледных матерей,
 Из милой родины изгнанных!
 Я на распутье видел их,
 Как, к персям чад прижав грудных,
 Они в отчаянье рыдали
 И с новым трепетом взирали
 На небо рдяное кругом.
 Трикраты с ужасом потом
 Бродил в Москве опустошенной,
 Среди развалин и могил;
 Трикраты прах ее священный
 Слезами скорби омочил.
 И там, где зданья величавы
 И башни древние царей,
 Свидетели протекшей славы
 И новой славы наших дней;
 И там, где с миром почивали
 Останки иноков святых
 И мимо веки протекали,
 Святыни не касаясь их;
 И там, где роскоши рукою,
 Дней мира и трудов плоды,
 Пред златоглавою Москвою
 Воздвиглись храмы и сады,—

Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

1813

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН
1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА

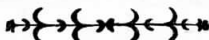
(Отрывок из большого стихотворения)

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод, и берег опустелый,
И на берегу покинутые села
Туманный месяц озарял.
Всё пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.

И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони:
Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана — и копыя водрузили.
Из снега возросли бесчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
Всё небо заревом багровым обложили.
И в стане царь молодой *
Сидел между вождями,
И старец-вождь * пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

1813 (?)

ПЛЕННЫЙ

В местах, где Рона протекает
По бархатным лугам,
Где мирт душистый расцветает,
Склонясь к ее водам,
Где на горах роскошно зреет
Янтарный виноград,
Златый лимон на солнце рдеет,
И яворы шумят, —
В часы вечерняя прохлада
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,
Добыча брани, русский пленный,
Придѣлских честь сынов,
С полей победы похищенный
Один — толпой врагов.

«Шуми, — он пел, — волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!
Я в праздности теряю время,
Душою в людстве сир;
Мне жизнь — не жизнь, без славы — бремя,
И пуст прекрасный мир!
Весна вокруг живет природу,
Яснеет солнца свет,
Всё славит счастье и свободу,
Но мне свободы нет!

Шуми, шуми волнами, Рона,
И мне воспоминай
На берегах родного Дона
Отчизны милый край!

Здесь прелесть — сельские девицы!
Их взор огнем горит
И сквозь потупленны ресницы
Мне радости сулит.
Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.

Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!

На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса
И под окном в часы вечерни
Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
Тебя, соратник мой!

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!

О ветры, с полночи летите
От родины моей,
Вы, звезды Севера, горите
Изгнаннику светлей!»

Так пел наш пленник одинокой
В виду лионских стен,
Где юноше судьбой жестокой
Назначен долгий плен.
Он пел — у ног сверкала Рона,
В ней месяц трепетал,
И на золотых верхах Лиона
Луч солнца догорал.

<1814>

ТЕНЬ ДРУГА

*Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.*

Propertius¹

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем виляла Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум, и трепет парусов,
И кормчего на палубе зыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов, —
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли,
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,

¹ Души усопших — не призрак: смертью не все оканчивается; бледная тень ускользает, победив костер. *Проперций (лат.)*.

Как утро майское веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал, — о воин вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовью сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
И сон покинул очи.

Всё спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казались безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

1814

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и берега безмолвны.
И всё в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам зовет,
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.

Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.

Всё тихо: мертвый сон в обители глухой.
Но здесь живет воспоминанье,
И путник, опершись на камень гробовой,
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плющ по лестнице крутой
И ветер колышет стебель, иссохшие полыни,
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой,—

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседелый,

Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук.
Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой
И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал,
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь при звуке новой брани,
Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли! —
Суда наутро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,
Герой, победою избранный!
Уж скальды пиршество готовят на холмах,
Зри: дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о юноша, слезами и мольбой
Богов на милость преклоняет...
Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;
О, вей, попутный ветер, вей тихими устами
В ветрила кораблей!

Суда у берегов, на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;
К нему спешит отец с невестою молодой
И лики скальдов вдохновенных.
Красавица стоит, безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает,—
Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.

Там пели звук мечей, и свист пернатых стрел,
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песне сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Но всё покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Все время в прах преобратило!
Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
Там ветер свищет лишь уныло!
Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
До утренних лучей.

Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх,
Земель полнощных исполины,
Роальда спутники, на бранных челноках
Протекши дальные пучины?

Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы,
Возникшие в снегах, средь ужасов природы,
Средь копий, средь мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах
Не тщетно камни вопрошает
И руны тайные, преданья на скалах
Угрюмой древности, читает.
Оратай ближних сел, склонясь на посох свой,
Гласит ему: «Смотри, о сын иноплеменный,
Здесь тлеют праотцев останки драгоценны:
Почти их гроб святой!»

1814

СУДЬБА ОДИССЕЯ

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки *;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давно желанных скал.
Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал *.

1814

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД

Объехав свет кругом,
Спокойный домосед, перед моим камином
Сажу и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином;
Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился,
Всё видел, всё узнал — и что ж? из-за морей

Ни лучше, ни умней
Под кров домашний воротился:
Поклонник суетным мечтам,
Он осужден искать... чего — не знает сам!
О страннике таком скажу я повесть вам.

Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили
В предместьи Афин под кровлею одной;
В довольстве? — не скажу, но с бодрою душой
Встречали день и ночь спокойно проводили,
Затем что по трудах всегда приятен сон.
Вдруг умер дядя их, афинский Гарпагон,
И братья-бедняки — о радость! — получили
Не помню сколько мин монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отделки мастерской.

Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:
«Как думаешь своей казной расположить? —
Клит спрашивал у брата. —

А я так дом хочу купить
И в нем тихохонько с женою век прожить
Под сенью отчего пената.

Землицы уголок не будет лишний нам:
От детства я люблю ходить за виноградом,
Водиться знаю с стадом,
И детям я мой плуг в наследство передам;
А ты как думаешь?» — «О! я с тобой несходен;
Я пресмыкаться не способен
В толпе граждán простых
И с помощью наследства
Для дальних замыслов моих,
Благодаря богам, теперь имею средства!» —
«Чего же хочешь ты?» — «Я?.. славен быть хочу». —
«Но чем?» — «Как чем? — умом, делами,
И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще? Я в Мемфис полечу
Делиться мудростью с жрецами:
Зачем сей создан мир? Кто правит им и как?
Где кончится земля? Где гордый Нил родится?
Зачем под пеленой сокрыт Изи́ды зрак,
Зачем горящий Феб всё к западу стремится?
Какое счастье, милый брат!
Я буду в мудрости соперник Пифагора!
В Афинах обо мне тогда заговорят.
В Афинах? — что сказал! — от Нила до Босфора
Прославится твой брат, твой верный Филалет!
Какое счастье! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;
Но красноречья дар, конечно, не забуду.
Ты знаешь, я всегда красноречив бывал
И площадь нашу посещал
Недаром.
Не стану я моим превозноситься даром,
Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
Или надутый Демосфен,
Кичась в пурпуре пред царскими послами.
Нет! нет! я каждого полезными речами
На площади градской намерен просвещать.
Ты сам, оставя плуг, придешь меня внимать.
С народом шумные восторги разделяя,
И, слезы радости под мантией скрывая,
Красноречивейшим из греков называть.
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... поверишь ли? Гликерия сама

На площади с толпою
 Меня провозгласит оракулом ума,
 Ума и, может быть, любезности... Конечно,
 Любезностью сердечной
 Я буду нравиться и в сорок лет еще.
 Тогда афиняне забудут Демосфена,
 И Кратеса в плаще,
 И бочку шута Диогена,
 Которую, смотри... он катит мимо нас! —
 «Прощай же, братец, в добрый час!
 Счастливого пути к премудрости желаю, —
 Клит молвил краснобаю. —
 Я вижу, нам тебя ничем не удержать!»
 Вздохнул, пожал плечьми и к городу опять
 Пошел — домашний быт и домик снаряжать.
 А Филалет? — К Пирею,
 Чтоб судно тирское застать
 И в Мемфис полететь с румяною зарею.
 Признаться, он вздохнул, начавши одиссею...
 Но кто не пожалел об отческой земле,
 Надолго расставаясь с нею?
 Семь дней на корабле,
 Зевая,
 Проказник наш сидел
 И на море глядел,
 От скуки сам с собой вполголос рассуждая:
 «Да где ж тритоны все? Где стаи nereид?
 Где скрылись они с толпой океанид?
 Я ни одной не вижу в море!»
 И не увидел их. Но ветер свежий вскоре
 В Египет странника принес;
 Уже он в Мемфисе, в обители чудес;
 Уже в святилище премудрости вступает,
 Как мумия сидит среди бород седых
 И десять дней зевает
 За поученьем их
 О жертвах каменной Изиде,
 Об Аписе-быке иль грозном Озириде,
 О псах Анубиса, о чесноке святом *,
 Усердно славимом на Ниле,
 О кровожадном крокодиле
 Й... о коте большом!.. *

«Какие глупости! какое заблуждение!
Клянуся Пóллуксом! нет слушать боле сил!» —
Грек молвил, потеряв и важность и терпенье,

С скамьи как бешеный вскочил
И псу священному — о ужас! — наступил
На божескую лапу...

Скорее в руки посох, шляпу,
Скорей из Мемфиса бежать
От гнева старцев разъяренных,
От крокодилов, псов и луковиц священных
И между греков просвещенных
Любезной мудрости искать.

На первом корабле он полетел в Кротону.
В Кротоне бьет челом смиренно Агатону,
Мудрейшему из мудрецов,
Жестокому врагу и мяса и бобов
(Их в гнѣве Пифагор, его учитель славный,
Проклятьем-страшным поразил,
Затем что у него желудок неисправный
Бобов и мяса не варил).

«Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел учиться? —

У грека старец спросил
С усмешкой хитрою. — Итак, прошу садиться
И слушать пенье сфер: ты слышишь?» — «Ничего!» —

«А видишь ли в девятом мире
Духов, летающих в эфире?» —

«И менее того!» —

«Увидишь, попостись ты года три, четыре,
Да лет с десятков помолчи;

Тогда, мой сын, тогда обнимешь брѣнным взором
Все тайной мудрости лучи;

Обнимешь, я тебе клянуся Пифагором...» —

«Согласен, так и быть!»

Но греку шутка ли и день не говорить?

А десять лет молчать, молчать да всё поститься —
Зачем? чтоб мудрецом,

С морщинным от поста и мудрости челом,
В Афины возвратиться?

О нет!

Чрез сутки возопил голодный Филалет:

«Юпитер дал мне ум с рассудком
Не для того, чтоб я ходил с пустым желудком;

Я мудрости такой покорнейший слуга;
Прощайте ж навсегда, Кротонски берега!» —
Сказал и к Этне путь направил;
За делом! чтоб на ней узнать, зачем и как
Изношенный башмак
Философ Эмпедокл пред смертью там оставил?
Узнал — и с вестью сей
Он в Грецию скорей
С усталой от забот и праздности душою.
Повсюду гость среди людей,
Везде за трапезой чужою.
Наш странник обходил
Поля, селения и грады,
Но счастья не находил
Под небом счастливым Эллады.
Спеша из края в край, он игры посещал,
Забавы, зрелища, ристанья
И даже прорицанья
Без веры вопрошал;
Но хижину отцов нередко вспоминал,
В ненастье по лесам бродя с своей клюкою,
Как червем, тайною снедаемый тоскою.
Притом же кошелек
У грека стал легок;
А ночью, как он шел через Лаконски горы,
Отбили у него
И остальное воры.
Счастлив еще, что жизнь не отняли его!
«Но жизнь без денег что? — мученье нестерпимо!» —
Так думал Филалет,
Тащась полунагой в степи необозримой.
Три раза солнца свет
Сменялся мраком ночи,
Но странника не зрели очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь
Да гор в дали туманной цепь,
Илотов и воров ужасные жилища.
Что делать в горе! что начать!
Придется умирать
В пустыне, одному, без помощи, без пищи.
«Нет, боги, нет! —
Терзая грудь, вопил несчастный Филалет. —

Я знаю, как покинуть свет!
 Не стану голодом томиться!»
 И меж кустов реку завидя вдалеке,
 Он бросился к реке —
 Топиться!
 «Что, что ты делаешь, слепец? —
 Несчастному вскричал скептический мудрец,
 Памфил седобородый,
 Который над водой, любуясь природой,
 Один с клюкой тихонько брел
 И, к счастью, странника нашел
 На крае гибельной напасти. —
 Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
 Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
 Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?
 Рассудок: но его что нам вещает глас?
 Что жизнь и смерть равны для нас.
 Равны — так незачем топиться.
 Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
 У старца, чем мудрец здесь может быть счастливым». —
 Кто жить советует — всегда красноречив;
 И наш герой остался жив.
 В расселинах скалы, висящей над водою,
 В тени приветливой смоковниц и олив,
 Построен был шалаш Памфиловой рукою,
 Где старец десять лет
 Провел в молчании глубоком
 И в вечность проникал своим орлиным оком,
 Забыв людей и свет.
 Вот там-то ужин иль обед
 Простой, но очень здоровый,
 Находит Филалет:
 Орехи, желуди и травы,
 Большой сосуд воды — и только. Боже мой!
 Как сладостно искать для трапезы такой
 В утехах мудрости приправы!
 Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
 Об атараксии¹ тотчас заговорил.
 «Всё призрак! — под конец хозяин заключил: —
 Богатство, честь и власти,

¹ Душевное спокойствие. (Примеч. автора).

Болезнь и нищета, несчастья и страсти,
И я, и ты, и целый свет —
Всё призрак!» — «Сновиденье!» —
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: «Я голоден!» — «И это заблуждение,
Всё грубых чувств обман; не сомневайся в том».
Неделю попостясь с бородатым мудрецом,
Наш *призрак*-Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.
Пора, пора блеснуть на площади умом!
Пора с философом расстаться,
Который нас недаром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.
Услужливый Памфил
Монет с десяток сам бродяге предложил,
Котомкой с желудьми сушеными ссудил
И в час румяного рассвета
Сам вывел по тропам излучистым Тайгета
На путь афинский Филалета.
Вот странник наш идет и день и ночь один;
Проходит Арголиду,
Коринф и Мегариду;
Вот — Аттика, и вот — дым сладостный Афин,
Керамик с рощами... предместия начало...
Там... воды Иллиса!.. В нем сердце задрожало:
Он грек, то мудрено ль, что родину любил,
Что землю целовал с горячими слезами,
В восторге, вне себя, с деревьями, с домами
Заговорил!..
Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел, наконец, Адмиралтейский шпиз,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!
Я сам... Но дело всё теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
И ждет опять денницы
На милой площади аттической столицы.
Заметьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотели,

С каким царем, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремели,
Предвестники народных бед.
Так речью их сразить желая, Филалет
Всех раньше на помост погибельный взмостился.
И вот блеснул Авроры свет,
А с ним и шум дневной родился.
Народ зашевелился.
В Афинах, как везде, час утра — час суёт.
На площадь побежал ремесленник, поэт,
Поденщик, говорун, с товарами купчина,
Софист, архонт и Фрина
С толпой невольниц и сирен,
И бочку прикатил насмешник Диоген;
На площадь всяк идет для дела и без дела;
Нахлынули, — вся площадь закипела.
Вы помните, бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою козак *
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
Так точно весь народ толпился и жужжал
Перед ораторским амвоном.
Знак подан. Начинай! Рой шумный замолчал.
И ритор возвестил высокопарным тоном,
Что Аттике война
Погибельна, вредна;
Потом велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть... опасно.
«Что ж делать?» — закричал с досадою народ.
«Что делать?.. сомневаться.
Сомнение мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждaне, колебаться —
И не мириться и не драться!..»
Народ всегда нетерпелив.
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот,
А там... Но он стоит уже ни мертв ни жив,
Разинув рот, потупив взгляды,
Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады.
Еще проходит миг —
«Ну что же? *продолжай!*» Оратор всё ни слова:
От страха — где язык!

Зато какой в толпе поднялся страшный крик!
Какая туча там готова!
На кафедру летит град яблоков и фиг,
И камни уж свистят над жертвой...
И жалкий Филалет, избитый, полумертвый,
С ступени на ступень в отчаянье летит
И падает без чувств под верную защиту
В объятия отверсты... к Клиту!
Итак, тщеславного спасает бедный Клит,
Простяк, неграмотный, презренный,
В Афинах дни влачить без славы осужденный!
Он, он, прижав его к груди,
Нахальных крикунов толкает на пути,
Одним грозит, у тех пощады просит
И брата своего, как старика Эней,
К порогу хижины своей
На раменах доносит.
Как брата в хижине лелеет добрый Клит!
Не сводит глаз с него, с ним сладко говорит
С простым, но сильным чувством.
Пред дружбой ничего и Гиппократ с искусством!
В три дни страдалец наш оправился и встал
И брату кинулся на шею со слезами;
А брат гостей назвал
И жертву воскурил пред отчими богами.
Весь домик в суетах! Жена и рой детей
Веселых, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих,
На пиршество несут для радостных гостей
Простой, но щедрый дар наследственных полей,
Румяное вино, янтарный мед Гимета —
И чаша поднялась за здоровье Филалета!
«Пей, ешь и веселись, нежданный сердца гость!» —
Все гости заодно с хозяином вскричали.
И что же? Филалет, забыв народа злость,
Беды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорил
В восторге о тебе, великолепный Нил!
А дней через пяток, не боле,
Наскуча видеть всё одно и то же поле,
Всё те же лица всякий день,
Наш грек — поверите ль? — как в клетке стосковался.

Он начал по лесам прогуливать уж лень,
На горы ближние взбирался.
Бродил всю ночь, весь день шатался;
Потом Афины стал тихонько посещать,
На милой площади опять
Зевать,
С софистами о том, об этом толковать;
Потом... проведав он от старых грамотеев,
Что в мире есть страна,
Где вечно царствует весна,
За розами побрел — в снега гипербореев.
Напрасно Клит с женой ему кричали вслед
С домашнего порога:
«Брат, милый, воротись, мы просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине? новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве немило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат, останься, Филалет!»
Напрасные слова — чудак не воротился,
Рукой махнул... и скрылся.

1814—1815

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылаючи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпурóвый виноград, —
Всё в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвое! и неги глас!

<1815>

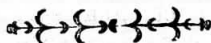
ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос филомелы
Угрюмый бор очаровал;
Всё новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимый вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И галльционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы,
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.

Но если Делия с тоскою
К нему приблизится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И галльционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего,
И Делия не посетила
Пустынный памятник его.
Лишь пастырь в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

<1815>

К ДРУЗЬЯМ

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым гением уверен,
Что в сем дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мой взамену чувства —
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял...
И, словом, весь журнал
Здесь дружество найдет беспечного поэта,
Найдет и молвит так:
«Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе; на Пинде был чудак;
Но дружбе он зато всегда остался верен;
Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!)
И жил так точно, как писал...
Ни хорошо, ни худо!»

МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся волос.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

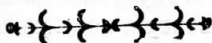
1815

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!

Напрасно я скитался
Из края в край и грозный океан
За мной роптал и волновался;
Напрасно, от берегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободой прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отверзает
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

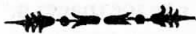
Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им Древней Греции священные места.

Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовью равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеной струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод, —
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары фортуны благосклонной,
Вас пламенные сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат

Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и мраки, —
О радость! Ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастья с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи

Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор, дивится и немеет.

1815

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли,
Мы пили чашу сладострастья.

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой фалерн и розы наши?

Где дом твой *, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой;
Но я узнал его; я сердца дань принес
На прах его красноречивый.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере, твой друг в тиши ночной
В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель алтарей
Богини неги и прохлады,
От пресыщения, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? Я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненье чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем,
На крыльях радости летим к своим друзьям —
И что ж?.. их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотой?
Благие небеса, казалось, дали ей
Всё счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты,
Чело открытое одной из важных муз
И прелесть девственной хариты.

Ты сам, забыв и свет, и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.

Цветок, увя! исчез, как сладкая мечта!
Она в страданиях почил
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда,
На друге взор остановила.

Но, дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило,
И тень чистейшую дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.

Так всё здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочны!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвьем отвечали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает,—

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились:
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.

Я с страхом спросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен:
Ногой надежную ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

1815

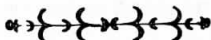

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я — не к счастью пробужден
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,
Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей,
Ни быстрый лет коня ретива
По скату бархатных лугов
И гончих лай и звон рогов
Вокруг пустынного залива —
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви — холодными словами.

1815 (?)

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
*А дева русская * Гаральда презирает.*

О други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронштейма вы помните сечу?
Как вихорь пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали,
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по дигим морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

ГЕЗИОД И ОМИР — СОПЕРНИКИ

*Посвящено А. Н. О.,
любителю древности*

Народы, как волны, в Халкиду текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
Бойцы выступали с бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогих по звонким полям,
И трижды владетель Халкиды
Достойным оливы венки раздавал.
Но солнце на лоно Фетиды
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очистите поле, возницы!
Спешите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы,
Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потом покрыты, бойцы,
При пламени светлом вздохните,
Внемлите народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

Пройдя из края в край гостеприимный мир,
Летами древними и роком удрученный,
Здесь песней царь Омир
И юный Гезиод, каменам драгоценный,
Вступают в славный бой.

Колебля ма́слину священную рукой,
Певец Аскреи гимн высокий начинает
(Он с лирой никогда свой глас не сочетает).

Гезиод

Безвестный юноша, с стадами я бродил
Под тенью пальмовой близ чистой Инпокрены,
Там пастыря нашли прелестные камни,
И я в обитель их священную вступил.

Омир

Мне снилось в юности: орел-громометатель
От Мелеса меня играючи унес
На край земли, на край небес,
Веща: ты земли и неба обладатель.

Гезиод

Там лавры хижину простую осенят,
В пустынях процветут Темпейские долины,
Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О нежны дочери суровой Мнемозины!

Омир

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба —
Так выше всех богов властитель их, Зевес!..

Гезиод

В священном сумраке, в сиянии Дианы,
Вы, музы, любите сплетаться в хоровод
Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы рьяный...

Омир

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
Не брызнет под ножом над Зевсовой гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.

Гезиод

А мы все смертные, все паркам обреченны,
Увидим области подземного царя
И реки спящие, Тенаром заключенны,
Не льющи дань свою в бездонные моря.

Омир

Я приближаюсь к мете сей неизбежной.
Внемли, о юноша! Ты пел «Труды и дни»... *
Для старца ветхого уж кончились они!

Гезиод

Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежный
На синем Стримоне, провидя страшный час,
Не слаще твоего поет в последний раз!
Твой гений проникал в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж? В юдоли сей страдалец искони,
Ты роком обречен в печалах кончить дни.
Певец божественный, скитаясь, как нищий,
В печальном рубище, без крова и без пищи,
Слепец всевидящий! * ты будешь проклинать
И день, когда на свет тебя родила мать!

Омир

Твой глас подобится амврозии небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей льет.
Певец! в устах твоих поэзии прелестной
Сладчайший Ольмия благоухает мед.
Но... муз любимый жрец!.. страшишь руки злодейской,
Страшишь любви, страшишь Эвбеи берегов:
Твой близок час: увы! тебя Зевес Немейской *,
Как жертву славную, готовит для врагов.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи их... Народ рукоплескал.
Но снова сладкий бой поэты начинали
При шуме радостных похвал.
Омир, возвыся глас, воспел народов брани,
Народов, гибнущих по прихоти царей;

Приама древнего, с мольбой несуща дани
Убийце грозному и кровных и детей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харит и легких ор, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.
А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну зеленую — сопутницу гиад;
Как Феб торжественно вселенну обтекает,
Как дни и месяцы рождаются в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годичные орастая в полях.
Заботы сладкие при сборе винограда;
Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел, и пастырей, и стада
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный среди мира,
Презрел высокий гимн бессмертного Омира
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливый Гезиод в награду получил
За песни, мирною каменною вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножник позлащенный
И черного овна, красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны ахейские *, как волны,
На край ристалища обширного спешат,
Где победитель сам, благоговенья полный,
При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает
И музам светлые сосуды предлагает
Как дар, усердный дар певца за их любовь.
До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы,
Омир скрывается от суетной толпы,
Снедая грусть свою в молчании глубоком.
Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит;
Он с ним пристанища в Элладе не находит...
И где найдут его талант и нищета?

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН
1814

Меж тем как войны вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Рейн, волны,
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глотает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
Желанной влагой обновляет...

О радости! я стою при реинских водах!
И, жадные с холмов в окрестность броса взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминая древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Рейн величавый!
Свидетель древности, событий всех времен,
О Рейн, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священные, Рейн, воды.
Века мелькнули: мир крестом преображен,
Любовь и честь в душах суровых пробудились.
Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;

Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкой трубадуров лиры.
Так, здесь под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще среди избранных сынов.
Здесь всё питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.

Всё, всё — и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.
Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
С падением народной славы,
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового * стenal
И ты уныло протекал
Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов? *
Давно ль они, кичась, пили
Виво из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?
И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,

От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули за честь своих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,

Где расцвело в тиши блаженство россиян,
Где ангел мирный *, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.

Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
«Ура» победы и званье

Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И ест — коней лихих поят,
Кругом заставя дол зыбучий.

Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,

И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легких всадников рои —
В текучей влаге отраженны!

Там слышен стук секир — и пал угрюмый лес!
Костры над Рейном дымятся и пылают!

И чаши радости сверкают,
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.

Там всадник, опершись на светлу сталь копыя,
Задумчив и один на берегу высоком

Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он вспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...
Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель алтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся мирные кадилы.
И се подвинулись — валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется всё войско;
И эхо вторит крик геройской,
Досель неслышанный, о Рейн, над тобой!
Твой стонет брег гостеприимный,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
От глаз в дали теряясь дымной!..

1816—1817

УМИРАЮЩИЙ ТАСС

Элегия

*...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fume: ed ogni onore
Sembra languido fiore!*

*Che più spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicitzia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!*

«Torrismondo», tragedia di T. Tasso¹

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры сладкий дым,
Душистых трав кругом кошницы полны?
До Капитолия от Тибровых валов,
Над стогнами всемирная столицы,
К чему раскинуты средь лавров и цветов
Бесценные ковры и багряницы?

¹ ...Подобно горному, быстрому потоку, подобно зарнице, вспыхнувшей в ясных ночных небесах, подобно ветерку или дыму или подобно стремительной стреле проносится наша слава; всякая почесть похожа на хрупкий цветок! На что надеешься, чего ждешь ты сегодня? После триумфа и пальмовых ветвей одно только осталось душе — печаль и жалобы, и слезные пени. Что мне в дружбе, что мне в любви? О слезы! О горе! «Торрисмондо», трагедия Т. Тассо (итал.).

К чему сей шум? К чему тимпанов звук и гром?
Веселья он или победы вестник?
Почто с хоругвией течет в молитвы дом
Под митрою апостолов наместник? *
Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима?
Кому триумф? — Тебе, божественный певец!
Тебе сей дар... певец Ерусалима! *
И шум веселия достиг до кельи той,
Где борется с кончиною Торквато,
Где над божественной страдальца головой
Дух смерти носится крылатый.
Ни слезы дружества, ни иноков мольбы,
Ни почестей столь поздние награды —
Ничто не укротит железныя судьбы,
Не знающей к великому пощады.
Полуразрушенный, он видит грозный час,
С веселием его благословляет,
И, лебедь сладостный, еще в последний раз
Он, с жизнью прощаясь, восклицает:

«Друзья, о, дайте мне взглянуть на пышный Рим,
Где ждет певца безвременно кладбище!
Да встречу взорами холмы твои и дым,
О древнее квиритов пепелище!
Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый!
Лазурь и пурпуры безоблачных небес,
Вы, тополи, вы, древние оливы,
И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костями граждан вселенный, —
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
Безвременной кончине обреченный!

Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
Скитаясь как бедный странник,

Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насущный хлеб
Слезami скорби не кропился?
Сорренто! Колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,
Отторжен был судьбой от матери моей *,
От сладостных объятий и лобзаний, —
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веся в весь, из стран в страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искал:
Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду молнии, карающей певца!
Ни в хижине оратая простого,
Ни под защитою Альфонсова дворца,
Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей,
Бесславием и славой удрученной,
Главы изгнанника, от колыбельных дней
Карающей богине обреченной...

Друзья! но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет и трепещет?
Откуда я? какой прошел ужасный путь,
И что за мной еще во мраке блещет?
Феррара... фурии... и зависти змия!..
Куда? куда, убийцы дарованья!
Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья и семья!
Вот слезы их и сладки лобызанья...
И в Капитолии — Вергилиев венец!
Так, я свершил назначенное Фебом.
От первой юности его усердный жрец,
Под молнией, под разъяренным небом
Я пел величие и славу прежних дней,
И в узах я душой не изменился.
Муз сладостный восторг не гас в душе моей,
И гений мой в страданиях укрепился.

Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,
На берегах цветущих Иордана;
Он вопрошал тебя, мятущийся Кедрон,
Вас, мирные убежища Ливана!
Пред ним воскресли вы, герои древних дней,
В величии и в блеске грозной славы:
Он зрел тебя, Готфред, владыка, вождь царей,
Под свистом стрел спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальд, кипящий, как Ахилл,
В любви, в войне счастливый победитель.
Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил,
Как огонь, как смерть, как ангел-истребитель...

И Тартар низложен сияющим крестом!
О, доблести неслыханной примеры!
О, наших праотцов, давно почивших сном,
Триумф святой! победа чистой веры!
Торквато вас исторг из пропасти времен:
Он пел — и вы не будете забвенны, —
Он пел: ему венец бессмертья обречен,
Рукою муз и славы соплетенный.

Но поздно! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий,
И лавры славные над дряхлой головой
Не усадят певца свирепой доли!»

Умолк. Унылый огонь в очах его горел,
Последний луч таланта пред кончиной;
И умирающий, казалось, хотел
У парки взять триумфа день единый.
Он взором всё искал капитолийских стен,
С усилием еще приподнимался;
Но мукой страшную кончины изнурен,
Недвижимый на ложе оставался.
Светило дневное уж к западу текло
И в зареве багряном утопало;
Час смерти близился... и мрачное чело
В последний раз страдальца просияло.
С улыбкой тихою на запад он глядел...
И, оживлен вечернею прохладой,

Десницу к небесам внимающим воздел,
Как праведник, с надеждой и отрадой.
«Смотрите,— он сказал рыдающим друзьям,
Как царь светил на западе пылает!
Он, он зовет меня к безоблачным странам,
Где вечное светило засияет...
Уж ангел предо мной, вожатай юных мест;
Он осенил меня лазурными крылами...
Приблизьте знак любви, сей таинственный крест...
Молитесь с надеждой и слезами...
Земное гибнет всё... и слава и венец...
Искусств и муз творенья величавы,
Но там всё вечное, как вечен сам творец,
Податель нам венца небренной славы!
Там всё великое, чем дух питался мой,
Чем я дышал от самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Ваш друг достиг давно желанной цели.
Отыдет с миром он и, верой укреплен,
Мучительной кончины не приметит:
Там, там... о счастье!.. средь непорочных жен,
Средь ангелов, Элеонора встретит!»

И с именем любви божественный погас;
Друзья над ним в безмолвии рыдали,
День тихо догорал... и ко́локола глас
Разнес кругом по стогнам весть печали.
«Погиб Торквато наш!—воскликнул с плачем Рим.—

Погиб певец, достойный лучшей доли!..»
Наутро факелов узрели мрачный дым,
И трауром покрылся Капитолий.

БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и муз и граций,
Сопутниц жизни молодой.

Спешу принести цветы, и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны,
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.

Не молит славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.

Он молит муз — душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам.

Пускай забот свинцовый груз
В руке забвения потонет
И время жадное в сей тайной сени муз
Любимца их не тронет.

Пускай и в седилах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

1817

Как я люблю, товарищ мой,
 Весны роскошной появленье
 И в первый раз над муравой
 Веселых жаворонков пенье.
 Но слаще мне среди полей
 Увидеть первые биваки
 И ждать беспечно у огней
 С рассветом дня кровавой драки.
 Какое счастье, рыцарь мой!
 Узреть с нагорных вершины
 Необозримый наших строй
 На яркой зелени долины!
 Как сладко слышать у шатра
 Вечерней пушки гул далекий
 И погрузиться до утра
 Под теплой буркой в сон глубокий.
 Когда по утренним росám
 Коней раздастся первый топот
 И ружей протяженный грохот
 Пробудит эхо по горам,
 Как весело перед строями
 Летать на ухарском коне
 И с первыми в дыму, в огне
 Ударить с криком за врагами!
 Как весело внимать: «Стрелки,
 Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
 Сюда, летучие полки,
 Башкирцы, горцы и татары!»
 Свисти теперь, жужжи, свинец!
 Летайте, ядры и картечи!

Что вы для них? для сих сердец,
Природой вскормленных для сечи?
Колонны сдвинулись, как лес.
И вот... о зрелище прекрасно!
Идут — безмолвие ужасно!
Идут — ружье наперевес;
Идут... ура! — и всё сломили,
Рассеяли и разгромили:
Ура! Ура! — и где же враг?..
Бежит, а мы в его домах —
О радость храбрых! — киверами
Вино некупленное пьем
И под победными громами
«Хвалите господа» поем!..

Но ты трепещешь, юный воин,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой дух встревожен, беспокоен;
Он рвется лавры пожинать;
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавая войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся, с первыми громами
К знаменам славы полетишь;
Но там, о горе, не узришь
Меня, как прежде, под шатрами!
Забытый шумною молвой,
Сердец мучительницей милой,
Я сплю, как труженик унылый,
Не оживляемый хвалой.

1817

К ТВОРЦУ
„ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО“

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории * читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал, —
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид,
Любимый отрок аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!

И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленье...
Пускай талант — не мой удел!
Но я для муз дышал не даром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

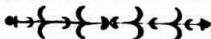
1818

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где нежились рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод.

1819

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них — не знаю.

1819

ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ

*La verginella è simile alla rosa*¹

Девнца юная подобна розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но рощи благовопны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

<1821>

¹ Девушка подобна розе (итал.).

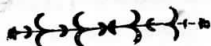

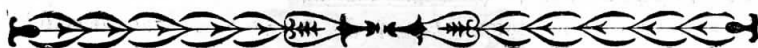

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседék?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

1821 (?)

СЛОВАРЬ

- Аврора (рим. миф.) — богиня утренней зари.
- Ага́то́н — греческий трагик V в. до н. э.
- А́йд, или А́йде́с (греч. миф.), — царство мертвых.
- Алкиви́ад — греческий полководец V в. до н. э.
- А́ль — река в Восточной Пруссии.
- А́льбио́н — Англия.
- А́льфо́нс — герцог феррарский Альфонс II.
- Амво́н — трибуна.
- Амвро́зия (греч. миф.) — пища богов.
- Аму́р (рим. миф.) — бог любви; изображался с колчаном и стрелами.
- Амфо́ра — глиняный сосуд для жидкостей.
- Ану́бис (егип. миф.) — бог — покровитель умерших; изображался с головой собаки.
- Аони́ды (греч. миф.) — музы; назывались так потому, что в области Аония, согласно верованиям древних греков, находились горы Парнас и Геликон.
- Ао́ния (Бео́тия) — часть Древней Греции, где находилась гора Гелико́н, считавшаяся, наряду с Парна́сом, местопребыванием Аполло́на и муз.
- Апи́с (егип. миф.) — бык, считавшийся воплощением верховного божества Ози́риса (Озирида).

- А р г о л í д а** — область в Древней Греции.
- А р и с т í п п** — греческий философ IV в. до н. э., призывавший к наслаждению жизнью.
- А р м í д ы** — нарицательное наименование обольстительных красавиц, производное от имени волшебницы Армиды, героини поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
- А р м í н и й** (17 г. до н. э.— 21 г. н. э.) — вождь древних германских племен, ведший борьбу с римлянами.
- А р х ó н т** — высший сановник в Афинах.
- А с к á н и й** — один из героев поэмы Вергилия «Энеида», потерявший мать.
- А с к р е я** — город в Греции, в котором родился Гесиód.
- А т р í д о в с ы н** — Орéст, сын Микенского царя Агамémнона, вождя греков в Троянской войне, по прозвищу Атрид (по имени его отца Атрéя). Дружба Ореста с Пилáдом считалась образцом неразлучной дружбы.
- А т т и к а** — область в Древней Греции. Столицей Аттики были Афины.
- А т т í л а** (V в. н. э.) — вождь гуннов.
- А х í л л** — один из героев «Илиады» Гомера; отомстил троянцам за смерть своего друга Патрóкла, но сам был сражен покровителем троянцев Аполлоном.
- Б а г р я н í ц а** — праздничная одежда темно-красного цвета.
- Б е л л ó н а** (рим. миф.) — богиня войны.
- В а к х** (рим. миф.) — бог виноделия.
- В а л к á л а**, правильное — **В а л г а л л а** (сканд. миф.) — загробное местопребывание воинов, погибших в бою.
- В é ж д ы** — веки.
- В é с п е р** (греч. миф.) — вечерняя звезда.
- В л а д и м и р** — великий князь Киевский Владимир Святославич (ум. 1015), укрепивший единство Киевской Руси.
- Г а л ь ц и ó н а** (греч. миф.) — чайка. Наричательное от имени дочери бога ветров, превращенной Зевсом в морскую птицу.
- Г á л л ы** — кельтские племена, населявшие территорию современной Франции, Северной Италии, Бельгии, Голландии и Швейцарии. В начале XIX в. название галлов нередко применялось по отношению к французам.

Га р па го н — главный персонаж комедии Мольера «Скупой», имя которого стало нарицательным.

Ге ба (греч. миф.) — богиня юности, служившая виночерпием на трапезе богов.

Ге зи о д, (правильнее — Ге си о д) — греческий поэт VIII—VII вв. до н. э.

Ге й льс берг ски поля — место сражения русских с французами в Восточной Пруссии (1807 г.).

Ге ла (сканд. миф.) — богиня смерти.

Ге р ма н — см. Арминий.

Ги а ды (греч. миф.) — нимфы дождя.

Ги ме т — горы в Греции, близ Афин.

Ги пер бо ре и (греч. миф.) — обитатели сказочной страны, расположенной на Крайнем Севере, но где никогда не заходит солнце.

Ги п по к ра т — знаменитый греческий врач V в. до н. э., имя которого стало нарицательным.

Гли ке ри я — греческая красавица, имя которой стало нарицательным.

Го ра ци й — римский поэт I в. до н. э.

Го р н и й — небесный.

Го т ф ре д — рыцарь-крестоносец, один из героев поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Го ра ци и (рим. миф.) — богини красоты.

Де да л — лабиринт. В Древней Греции был лабиринт, построенный Дедалом.

Де ли я — условное поэтическое имя.

Де мо с фе н — греческий оратор IV в. до н. э.

Де н и ца — утренняя заря.

Де с н и ца — правая рука.

Ди а на (рим. миф.) — богиня Луны; иногда имя Дианы употреблялось в качестве замены слова «луна».

Ди о ге н — греческий философ V—IV вв. до н. э.; по преданию, жил в бочке.

Дро нт ге й м — область в Северной Норвегии.

Жи ло — жилище.

Жи п е л — горящая сера. Выражение «в жупел и в огни» означает страшное испытание.

Зе ф и р (греч. миф.) — теплый западный ветер.

Изйда (егип. миф.) — богиня жизни, плодородия и материнства; изображение ее было скрыто под покрывалом.

Илбты — рабы.

Иордан — река в Западной Азии.

Иппокрена (греч. миф.) — источник вдохновения на горе Геликон.

Камёны (рим. миф.) — то же, что музы в греческой мифологии, богини-покровительницы искусств и наук.

Капитолий — один из семи холмов, на которых расположен Рим; в древние времена место народных собраний.

Квири́ты — римские граждане.

Кедро́н — долина в Палестине.

Кёсарь — см. Юлий Цезарь.

Кипри́да (греч. миф.) — одно из имен Афродиты, богини любви и красоты, данное ей по главному месту ее культа — острову Кипру.

Кли́я (правильнее — **Кли́о**; греч. миф.) — муза истории.

Кори́нна — условное поэтическое имя.

Кори́нф — город в Греции.

Кратёс — греческий философ IV—III вв. до н. э., отказавшийся от всякого имущества, кроме плаща.

Крото́на — город в Южной Италии, древнегреческая колония.

Лаконски́е горы — горы в греческой области Лаконии.

Ла́ры (рим. миф.) — души предков, покровители домашнего очага.

Ле́та (греч. миф.) — река забвения в подземном царстве.

Лива́н — гористая страна в Передней Азии.

Ли́ки — хоры.

Лилёта — условное поэтическое имя.

Мегари́да — область в Древней Греции.

Мелёс (правильнее — **Мелёт**) — река поблизости от города Смирны; по преданию, Гомер слагал свои поэмы в гроте на берегу Мелета.

Мёмфи́с — столица Древнего Египта.

Мета́ — цель.

Ми́на — денежная единица у древних греков.

Ми́тра — головной убор высших церковных чинов, надеваемый во время богослужения.

Мнемози́на (греч. миф.) — мать девяти муз, олицетворение памяти.

Нéйстрия — западная часть государства франков.
Нектáр (греч. миф.) — напиток богов, дававший бессмертие.
Нептýн (рим. миф.) — бог моря.
Нерейды (греч. миф.) — морские нимфы.
Нймфы (греч. миф.) — второстепенные божества, олицетворявшие те или иные силы природы.

Овén — баран.

Оден (правильнее — **Один**; сканд. миф.) — верховное божество.

Одиссéя — нарицательное обозначение морского странствия (от названия поэмы Гомера «Одиссея»).

Океанíды (греч. миф.) — нимфы океана.

Олимп — горная цепь в Греции, считавшаяся, по верованиям древних греков, местопребыванием богов.

Ольмий — мыс в Коринфии, славившийся своим медом.

Омíр (правильнее — **Гомер**) — легендарный греческий поэт, живший между XII и VII вв. до н. э. Ему приписывают создание эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

Орáтай — пахарь.

Орковы поля (рим. миф.) — царство мертвых.

Оры (греч. миф.) — богини времен года.

Пальмíра — древний город в Сирии, столица одноименного государства, славившаяся своей красотой и богатством. Разрушена римлянами в III в. н. э.

Пáрки (рим. миф.) — богини судьбы; изображались прядущими нить человеческой жизни.

Парна́с — гора, считавшаяся у древних греков одним из обиталищ Аполлона и муз.

Парна́ские пáрицы — музы.

Пафóс — город на острове Кипре, где в древности был распространен культ Афродиты.

Пенáты (рим. миф.) — боги домашнего очага, в переносном значении — родной дом.

Пермéские богини (греч. миф.) — музы, от названия ручья **Пермéс**, сбегавшего с горы Геликón.

Пéстун — наставник.

Пи́йт — поэт.

Пилáд — см. **Атри́дов сын**.

Пильпáй (правильнее — **Бидпáй**) — легендарный индусский баснописец.

- Пинд — горный кряж в Греции, в состав которого входили горы Парнас и Геликон.
- Пинд á р — греческий поэт VI—V вв. до н. э.
- Пирéй — гавань в Афинах.
- Пирифóй — см. Тезей.
- Пифáгóр — греческий философ и математик IV в. до н. э.
- Платóн — греческий философ V—IV вв. до н. э.
- Плéйсские стру́и — река Плэйсса в Германии.
- Поллúкс (греч. миф.) — покровитель мореплавания.
- Приáм — один из героев «Илиады», вымоливший у Ахилла тело убитого им Гектора, сына Приама.
- Ринáльд — рыцарь-крестоносец, один из героев поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
- Ристáлище — арена.
- Рíторы — ораторы.
- Рóна — река в Швейцарии и во Франции, на которой расположен город Лион.
- Рúны — древние скандинавские надписи.
- Рúхлая — хрупкая.
- Сáмос — греческий остров в Эгейском море.
- Сикáнская земля — Сицилия.
- Сильф (кельт. и герм. миф.) — шаловливый дух воздуха.
- Сиóн — крепость в городе Иерусалиме.
- Сирéны (греч. миф.) — морские девы, заманивавшие мореплавателя своим пением.
- Ска́лды — скандинавские бродячие певцы.
- Скуде́ль — глиняная посуда.
- Соррéнто — город в Италии, где родился Торквато Тассо.
- Софíст — представитель одной из древнегреческих философских школ.
- Сретáет — встречает.
- Стигíйские берега — берега реки Стикс (греч. миф.), одной из рек, обтекающей подземное царство.
- Стóгна — улицы.
- Стримóн — река в Македонии.
- Сúна — река в Карелии. На ней находится водопад Кивач, воспетый в оде Державина «Водопад».
- Таврíда — древнее название Крыма.

Та́йге́т — горный кряж в Греции.

Та́ртар (греч. миф.) — преисподняя.

Тевто́нские — германские.

Тезе́й и Пири́фой (греч. миф.) — два друга, заключенные в подземном царстве, омываемом «рекой плача и стенаний» Ко́цитом.

Темпе́йские долины — славившиеся своим плодородием долины в Греции.

Тена́р (греч. миф.) — пещера, служившая входом в подземное царство.

Тимпа́н — ударный музыкальный инструмент.

Ти́рас — греческое название Днестра.

Ти́рское — финикийское, по имени города Тир.

Трито́ны (греч. миф.) — второстепенные морские божества.

Трубаду́ры — средневековые бродячие певцы.

Уле́я (правильнее — Уле́о) — река в Финляндии.

Фа́лёрн — фалериское вино.

Фи́лли́да — условное поэтическое имя.

Фе́б (греч. миф.) — одно из имен Аполло́на, бога солнца и света, покровителя искусств. Иногда имя Фёба употреблялось в качестве замены слова «солнце».

Фе́бовы жре́цы — поэты.

Фе́др — римский баснописец I в. до н. э.

Фи́ломела — условно-поэтическое название соловья.

Форту́на (рим. миф.) — богиня судьбы и счастья.

Фри́на — греческая красавица V в. до н. э.

Фукиди́д — греческий историк V в. до н. э., современник Геродота.

Фу́рии (рим. миф.) — богини мщения.

Халки́да — город на греческом острове Эвбея.

Хари́бда и Сци́лла (греч. миф.) — скалы-чудовища, прохождение между которыми приводило мореходцев к гибели.

Хари́ты (греч. миф.) — грации.

Хля́би — морские просторы.

Цевни́ца — струнный инструмент, считавшийся одним из символов поэта.

Цере́ра (рим. миф.) — богиня плодородия.

Цирце́и — нарицательное название красавиц, множественное

от имени волшебницы Цирцеи, выведенной в «Одиссее» Гомера.

Ци т ё р а, или Ки ф ё р а, — остров, где у древних греков чтилась богиня Афродита.

Ц и т р а — струнный инструмент.

Э в б ё я — греческий остров, где был убит Гесиод.

Э в р ы — теплые восточные ветры.

Э г и да (греч. миф.) — щит Зёвса.

Э л е о н ё р а — возлюбленная Т. Тассо.

Э л и з и й (греч. миф.) — местопребывание блаженных теней в потустороннем мире.

Э л л а да — Греция.

Э м п е д о к л — латинский философ и поэт V в. до н. э. Согласно легенде, бросился в кратер Этны, оставив на краю свою сандалию.

Э н ё й — герой поэмы римского поэта Вергилия «Энеида»; вынес своего отца из объятий пламенем Трои.

Э п и д а в р — город в Древней Греции. В Эпидавре был распространен культ Эскулапа, бога врачевания.

Э р а т а (греч. миф.) — муза любовной поэзии.

Э р ё б (греч. миф.) — мрачная подземная страна на переходе из земного мира в потусторонний.

Э р и г о н а (греч. миф.) — дочь царя Ика́рия, обольщенная Ва́кхом.

Э т н а — вулкан на острове Сицилия в Италии.

Ю д о л ь — жизнь с ее тревоблениями.

Ю л и й Ц ё з а р ь (102—44 гг. до н. э.), римский полководец, политический деятель и писатель.

Ю п и т е р (рим. миф.) — верховное божество, то же, что Зевс у древних греков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Совет друзьям

Стр. 17

Эпиграф заимствован из стихотворения французской поэтессы Генриетты Мюрá (1670—1716).

К Гнедичу

Стр. 20

Посвящено поэту Николаю Ивановичу Гнедичу (1784—1833), другу Батюшкова.

Выздоровление

Стр. 21

Вызвано следующими обстоятельствами биографии Батюшкова. Раненный в сражении под Гейльсбергом 29 мая 1807 г., поэт был доставлен в Ригу и помещен в доме купца Мюгеля. «Меня окружают цветами, за мной ухаживают как за ребенком, — писал Батюшков сестрам. — Хозяин дома Мюгель — самый большой негоциант в Риге. Его дочь прелестна, мать добра, как ангел...» Любовью к дочери Мюгеля Эмилии вдохновлен ряд стихотворений поэта, в том числе «Выздоровление».

Радость

Стр. 26

Навеяно стихотворением итальянского поэта Джованни Баттиста Касти (1724—1803).

Ли р а т и и с к а я — лира греческого поэта VI—V вв. до н. э. Анакреона, уроженца города Теоса (Тиоса). «Певцом тииским» называл его Державин (стихотворение «Русские девушки»).

Мои пенаты

Стр. 29

Посвящено друзьям Батюшкова поэтам Василию Андреевичу Жуковскому (1783—1852) и Петру Андреевичу Вяземскому (1792—1878).

Про витязя с нагайкой... — Имеется в виду А. В. Суворов.

Парнасский исполин — поэт Гаврила Романович Державин (1743—1816). Называя его далее «лебедem величавым», Батюшков намекает на стихотворение Державина «Лебедь».

Как вешний соловей. — Очевидно, намек на стихотворение Державина «Соловей во сне», отличающееся большой мелодичностью.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, крупнейший представитель сентиментализма в русской литературе. В «Моих пенатах» подразумеваются следующие произведения Карамзина: очерк «Афинская жизнь», исторические повести и статьи «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств».

Сильф прекрасный... о Душеньке бренчит... — Имеется в виду Ипполит Федорович Богданович (1743—1803), автор стихотворной повести «Душенька».

Мелецкий — Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1828), автор песен и стихотворений преимущественно любовного содержания.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт-сентименталист. В его творчестве, в частности, представлены любовные лирические песни и басни.

Хемницер Иван Иванович (1745—1784) — русский баснописец.

Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года

Стр. 41

Царь молодой — Александр I.
Старец-вождь — М. И. Кутузов.

Тень друга

Стр. 45

Посвящено памяти Ивана Александровича Петина (1789—1813), убитого в сражении под Лейпцигом.

Эпиграф заимствован у римского поэта I в. до н. э. Проперция.

Судьба Одиссея

Стр. 51

Вольный перевод стихотворения Шиллера на тему древнегреческого эпоса «Одиссея», в котором описываются скитания одного из участников Троянской войны, царя острова Итаки Одиссея.

Стопой бестрепетной сходил Айда в мраки... — В XI песне «Одиссеи» повествуется о посещении героем подземного царства.

Отчизны не познал. — В XIII песне «Одиссеи» рассказывается, как приставший наконец к берегам родины Одиссей не узнал ее, ибо остров был окутан туманом.

Странствователь и домосед

Стр. 52

О чесноке святом... — У древних египтян чеснок относился к священным растениям.

О коте большом. — Кошка чтилась в Древнем Египте как священное животное.

Вы помните... — В этих строках Батюшков напоминает о пребывании русских войск в Париже в 1814 г.

К другу

Стр. 70

Посвящено П. А. Вяземскому.

Где дом твой... — Дом Вяземского в Москве сгорел во время пожара 1812 г.

Песнь Гаральда Смелого

Стр. 74

Вариация на тему древней норвежской песни, приписываемой королю-скальду Гаральду Смелому (XI в.).

А дева русская... — одна из дочерей Киевского великого князя Ярослава Мудрого, на которой в 1045 г. женился Гаральд.

Гезиод и Омир — соперники

Стр. 76

Перевод стихотворения французского поэта Мильвуа (1782—1816).

Посвящено Алексею Николаевичу Оленину (1763—1843), президенту Академии художеств, дом которого в Петербурге часто посещал Батюшков.

«Труды и дни» — название поэмы Гезиода.

Слепец всевидящий — Гомер; по преданию, был слепым.

Зевес Немецкий. — В долине реки Немей на острове Эвбее находилось святилище Зевса.

Сыны ахейские — греки.

Переход через Рейн

Стр. 80

В стихотворении описана переправа русских войск через Рейн во время похода на Париж в 1814 г.

Аттила новый — Наполеон.

Зареинские сыны — французы.

Ангел мирный — имеется в виду императрица Елизавета Алексеевна (1779—1826), урожденная принцесса баденская, жена Александра I.

Умирающий Тассо

Стр. 84

В основу элегии положены действительные факты из жизни знаменитого итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595).

Апостолов наместник — папа римский, считающийся наместником апостола Петра.

Певец Ерусалима — Тассо, главным произведением которого является поэма «Освобожденный Иерусалим».

Отторжен был судьбой от матери моей... — Тассо в детстве лишился матери.

К Никите

Стр. 91

Обращено к троюродному брату Батюшкова, впоследствии видному декабристу Никите Михайловичу Муравьеву (1796—1843).

К творцу „Истории государства Российского“

Стр. 93

Посвящено Н. М. Карамзину. В 1818 г. вышли первые восемь томов его многолетнего труда «История государства Российского».

Отец истории — первый из греческих историков Геродот (V в. до н. э.).

„Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...“

Стр. 94

Написано в связи с посещением развалин города Байи в Италии, близ Неаполя.

„Есть наслаждение и в дикости лесов...“

Стр. 95

Свободный перевод отрывка из поэмы Байрона «Странствования Чайльд-Гарольда».

Подражание Ариосту

Стр. 96

Эти шесть стихов представляют вольный перевод из поэмы итальянского поэта Ариосто (1475—1533) «Неистовый Роланд».

„Ты знаешь, что изрек...“

Стр. 97

Последнее стихотворение Батюшкова.

В библейских книгах упоминается загадочное лицо под именем Мелхиседек — царь Салима, священник, человек «без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни». Приписанное ему Батюшковым изречение является собственным измышлением поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. ПИГАРЕВ. К. Н. БАТЮШКОВ</i>	5
ЭЛЕГИЯ	16
СОВЕТ ДРУЗЬЯМ	17
К ГНЕДИЧУ	20
ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ	21
ВОСПОМИНАНИЕ	22
ЭЛИЗИЙ	24
РАДОСТЬ	26
ДРУЖЕСТВО	28
МОИ ПЕНАТЫ	29
РАЗЛУКА («Гусар на саблю опираясь...») .	37
К ДАШКОВУ	39
ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕ-	
МАН 1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА	41
ПЛЕННЫЙ	42
ТЕНЬ ДРУГА	45
НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ . .	47
СУДЬБА ОДИССЕЯ	51
СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД	52
ВАКХАНКА	62
ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА	63
К ДРУЗЬЯМ	65
МОЙ ГЕНИЙ	66
РАЗЛУКА («Напрасно покидал страну мо-	
их отцов...»)	67
ТАВРИДА	68
К ДРУГУ	70
ПРОБУЖДЕНИЕ	73

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО	74
ГЕЗИОД И ОМИР — СОПЕРНИКИ	76
ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН	80
УМИРАЮЩИЙ ТАСС	84
БЕСЕДКА МУЗ	89
К НИКИТЕ	91
К ТВОРЦУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»	93
«ТЫ ПРОБУЖДАЕШЬСЯ, О БАЙЯ, ИЗ ГРОБНИЦЫ...»	94
«ЕСТЬ НАСЛАЖДЕНИЕ И В ДИКОСТИ ЛЕСОВ...»	95
ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ	96
«ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ИЗРЕК...»	97
СЛОВАРЬ	98
ПРИМЕЧАНИЯ	106

Для средней школы

Константин Николаевич Батюшков

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

ИБ № 1058

Ответственный редактор *Н. В. Белякова*. Художественный редактор *И. Г. Найденова*. Технический редактор *Г. Е. Гафт*. Корректоры *Л. И. Дмитриук* и *Г. В. Русакова*. Подписано к печати с готовых матриц 4/XII 1978 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высок. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 4,83. Тираж 600 000 экз. Заказ № 3894. Цена 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного Комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

